

при изгнании из рая, он читается в рукописях начиная с XII в., в Триодях постных,²⁴ в древнейших славянских толковых азбуках,²⁵ в апокрифах об Адаме и в духовных стихах). Автор плача-молитвы Адама строит его на традиционном мотиве «греховности», мотиве, возникшем под воздействием церковной фразеологии на устную причеть — «сетования на смерть, которая пришла потому, что перед господом согрешили».²⁶ «...Исконная связь с устной причетью плачей библейско-византийской литературы облегчила и поддержала проникновение элементов национальных причетей в плачи русских церковных жанров, продолжавших традиции аналогичных жанров переводной литературы».²⁷

Но у Адама в мольбе-заступничестве за праведников в роли грехов выступают добродетели, он говорит о заслугах перед богом каждого, кто томится сейчас с ним в адской темнице. Традиционное построение художественного текста приобретает новую интерпретацию, возникает мысль о незаслуженном, несправедливом страдании. Границы жанра расширяются. «Функция плача в составе литературного произведения, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — зависит от целеустремленности всего памятника в целом, следовательно, связана и с литературным направлением, к которому он относится. Поэтому и темы древнерусских плачей в литературе так же разнообразны, как богато содержание устных причетей. ... Поэтому не только лирика личных интимных настроений, но и острая публицистическая тема, в соединении иногда со специфичной для средневековья покаянной или обличительной тенденцией, пользуется формой плача».²⁸ Плач-молитва Адама в том виде, какой она имела в архетипе «Слова о Лазаревом воскресении», до выделения в отдельную редакцию, не выпадала из системы идей эпидейктического «слова». Чем горше и тяжелее страдания Адама и пророков в аду, тем выше и могущественнее их освободитель. Лирически приподнят и монолог богоматери, припавшей к младенцу Христу. Он приводит нас к мысли о том, что перед нами фрагмент несохранившегося полностью плача, стилистически связанного, быть может, с плачем богоматери над распятым Христом.

Как и многие произведения ораторского жанра, пространная редакция «Слова» оканчивалась традиционной похвалой-славой Христу, святой Троице, заключительным «аминь». Признаки ораторского жанра можно найти и в стилистике обеих редакций «Слова». Это и формула личного обращения автора к слушателям, присутствующая уже в пророчестве Исайи: «Слыши, небо, внуши, земле». Давид, играя на гуслях и предлагая прославить Христа-спасителя, обращается к слушателям и читателям: «братие», «друзи», «дружино», что, видимо, помимо других черт, и дало повод И. Я. Франко отнести «Слово на Лазарево воскресение» к дружинной поэзии. Когда автор заставляет звучать голос того или иного персонажа, в его речи мы тоже находим много прямых обращений к собеседнику: «О высокий, страшный, бессмертный, царю небесный», «Давиде, глаголи», «Лазарю, друже господень», «изведи, господи, из ада» и т. п.

²⁴ За это указание и возможность пользоваться материалами по данной теме приношу глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц.

²⁵ См.: Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов. — ТОДРА, т. XXIII, М.—Л., 1968, стр. 27—61.

²⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 158 и далее.

²⁷ Там же, стр. 177—178.

²⁸ Там же, стр. 178.